

Замкнутый круг

Повесть

Мой папа

ПОЧЕМУ ДУЕТ ветер? Я раньше знала, а потом забыла.

У меня была такая детская энциклопедия. И называлась она странно «Детская энциклопедия для ленивых». Я очень боялась, что кто-нибудь увидит у меня эту энциклопедию и подумает, что я ленивая. То есть я совсем даже не спорю, что ленивая. Но одно дело думать это самой про себя, и совсем другое, когда другие так подумают. Мне подарил ее папа. Совсем давно, мне было тогда лет пять, хотя вполне может и шесть. Он как-то приехал за мной в детский садик, что случалось довольно редко, да еще середине дня — что уж вообще было для меня счастьем.

Он сказал: «Угадай, что я тебе привез?!». Я ожидала шоколадку или куклу. Мы подошли к машине, папа открыл багажник и достал оттуда ту самую энциклопедию. И мне стало обидно и даже горько. Почему для ленивых, разве я ленивая. Я чуть не заплакала с досады. Мне всегда

так хотелось, чтобы он меня любил, и я изо всех сил старалась быть такой, как он хотел. Но у меня все время не получалось.

Может, он и не хотел ничего плохого. Даже скорее, что просто хотел подарить мне энциклопедию. И теперь то я уже понимаю, что такое название авторы дали книге, имея в виду ее высокую содержательность, и что ленится не так уж плохо и иногда даже полезно.

Но откуда мне было знать это тогда. Я поджала губы и сказала спасибо. Потому что папа еще с трех лет учил меня быть воспитанной. То есть я должна была говорить «пожалуйста», чтобы он включил мне «спокойной ночи», и «спасибо», когда он включал. А еще не брать пальцы в рот. Когда он видел, что я сосу палец, то отводил меня к маме и говорил ей, чтобы она намазала мне руки горчицей. Мама, конечно, не мазала, но я плакала. Мне было три года тогда.

Так вот в той энциклопедии как раз и было сказано, откуда берется ветер. Да и отец не раз мне рассказывал. Он вообще мне много всего рассказывал. Он хотел, чтобы я это все помнила. А у меня как назло организм устроен так, что когда от меня чего-то хотят, то я ничего не могу. И я все забывала. А он злился, очень злился.

Он никогда не кричал на нас с братом, никогда не ругался. Ему достаточно было просто по-

смотреть на нас и сразу хотелось провалиться под землю от этого взгляда. И это было еще хуже, еще страшнее всяких криков.

Говорят, что теперь и я, бывает, смотрю также, такими же точно темными глазами.

А брат совсем не похож на него, и сводный брат совсем не похож, никто так на него не похож, как я. Будто бы он во мне заново проживает жизнь. Словно как пленку перемотали назад и дали еще один шанс. И я совершаю его ошибки, а он как все родители пытается оградить меня от них. А я кричу, как он когда-то, что имею право. Имею право на свои ошибки. Что это моя жизнь и чтоб никто не лез. Почему так кажется всегда.

И все вокруг в самый неожиданный момент вздыхают: «Как похожа, как похожа»; «копия папа», — а я злюсь. Говорю: «Я на себя похожа». Хотя сейчас уже не говорю и не злюсь уже.

Родители

А ОТЕЦ — ВЕДЬ ОН нас бросил. Вернее не нас, маму: а мы с братом, словно разорвавшиеся снаряды, разлетелись в разные стороны. Похоже на войну, не знаешь куда бежать, не знаешь, кто прав, словно конец света.

Это случилось в канун *перестройки*, и отец тогда сказал, что это время перемен во всем и теперь все пойдет по-новому. Что раньше было нельзя — станет можно. Я сомневаюсь, что он знал, как это по-новому, но чувствовал и верил, а этого иногда бывает достаточно.

Не понимаю, зачем люди разводятся. Они чего-то ищут, думают, что нашли. И обнаруживают всю глупость, всю тщетность так поздно, а бывает, и вовсе не заметят. Впрочем, и в этом я не уверена.

У отца были деньги, он много ездил по всему свету. Привозил мне кукол и одежду. Брал с собой. Водил по дорогим ресторанам, знакомил со своими друзьями. Богатые, с дорогими машинами, счетами в банках, но я не заметила, чтобы они были счастливыми. Я окуналась в этот мир роскоши из своей обшарпанной квартирки в Мытищах, где мы жили с мамой. И мне казалось, будто я живу в двух мирах. И было сложно разобраться какой из них настоящий. Но ни в том, ни в другом не было того, чего мне больше всего хотелось тогда, от чего до сих пор подступает комок к горлу и кажется, что слезы вот-вот хлынут. Нигде не было родителей.

Отец женился, у него родился сын. И я помню, как переживал мой брат. Мы возвраща-

лись из Долгопрудного на автобусе, отец в то время там жил. И брат все спрашивал меня — или даже не меня, а сам себя, — еще было неизвестно, кто родится: «Ты думаешь мальчик, думаешь мальчик будет?». И с беспокойством смотрел на меня. А я говорила: «Нет, нет, девочка». Мне так хотелось его успокоить.

Я не переживала, мне было все равно. Я не считала этого ребенка своим братом, никогда не считала, даже сейчас не считала. И отцу сказала: «У меня один брат, слышишь, один, родной. Его зовут Леша». Он не спорил. Молчал.

Однажды отец отправил меня в Испанию вместе с мачехой и их сыном. Я не хотела, но он не спрашивал. Уже в аэропорту сказал, что если на таможне спросят, кто мне тетя Галя, я должна ответить, что мама, а то могут не пропустить. Я наотрез отказалась. Но никто ничего не спросил.

В Испании было здорово, бессчетное множество всяческой еды, море, аквапарки и аквазоопарки с диковинными рыбами, но я ревела там каждый день. И каждый раз по телефону умоляла отца забрать меня оттуда. Мачеха то и дело шлепала сына, который никак не хотел слушаться, а один раз и вовсе избил его чуть ли не до крови, за то, что он уронил икону.

Ребенок испуганно смотрел на меня, он не понимал, за что его бьют. Даже слезы у него на глазах застыли от удивления. Ему было три года тогда.

Он плакал, я в оцепенении, как сквозь сон смотрела на них и не могла ничего сказать, все слова куда-то делись.

Когда я рассказала отцу, он вздохнул:

— Ты же понимаешь, что это все нервы.

Брат

Я НЕ ПОНИМАЛА, не понимала, и когда отчим впервые ударил меня, а мама сказала, что это нервы, и что нельзя быть злопамятной, надо прощать — не понимала и потом, во второй раз.

Так и не смогла его простить, и даже больше ее — за то, что она ничего не сделала, никак не отреагировала, сделала вид, что я все преувеличила. Это, наверное, очень плохо, но я так и не смогла.

Она хотела, чтобы у нас был отец, она почему-то думала, что он нам срочно нужен, и поэтому мы лишились матери. Она вышла замуж, и мы стали ей совершенно не нужны. Дети иногда становятся ненужными. Это так странно проис-

ходит. Женятся, рожают детей, а потом вдруг разводятся. Начинают все сначала. А куда деть тех, кто уже родился, никто не говорит. Они же не штамп в паспорте, их не аннулируют.

Я злилась, пыталась утопиться в ванной. Мне кто-то рассказал про одного мальчика, что его мама уснула и утонула. И я хотела так же. У меня не вышло. Это было глупо, но в то время казалось иначе.

Тогда брат еще жил с нами, и защищал меня. Он с самого детства меня защищал. Когда я в четыре года гуляла с плюшевым мишкой, а один мальчик с пистолетом подошел и выстрелил в него и сказал, что убил, — я расплакалась и побежала к брату. Он оттаскал этого мальчика за уши. Это смешно сейчас вспоминать, но в то время для меня это был такой подвиг. И я с тех пор была уверена, что никто никогда не сможет меня обидеть, что я позову брата, и он защитит.

Когда я родилась, моему брату было одиннадцать. И он прибежал из школы радостный и с криками:

— Что это здесь у меня? Это мне?

И стал дергать меня за нос и за руки. Он думал, что это новая игрушка, что теперь ему будет с кем играть. Игрушка заплакала, прибежала мама и запретила ему меня трогать. Вместо игрушки на него свалилась куча обязанностей по дому и по уходу за ребенком. А потом, после развода, ему и вовсе пришлось быть вместо мамы. Он кормил меня, гулял со мной, катал на велосипеде, да и дрались мы нередко, но скорее в шутку, чем всерьез.

Мы часто сидели дома одни, и иногда есть было совсем нечего. Это были девятые. И мой брат, единственный из нашей семьи, продал свой ваучер. Был скандал, мама с бабушкой очень ругались на него, они то все вложили в «Автоваз», и сидели ждали, когда будет машина. Никто же не знал, что это обман. А брат накупил тушенки и сгущенки, ну что можно было еще тогда купить.

Он хорошо готовил всегда, уже лет с семи сам себе суп варил, а потом и мне готовил. А у меня не получалось и он ругал меня:

— Не умеешь готовить — тебя замуж никто не возьмет.

Я радовалась, мне казалось, что замуж — это что-то очень нехорошее.

— Ну и прекрасно. Значит, я всегда буду жить с тобой.

— Нет уж, спасибо, — злился брат.

Мы все время с ним что-нибудь выдумывали. Варили сгущенку — она правда часто взры-

валась и разлеталась по потолку. Лепили конфеты из «Малютки», раньше была такая сухая молочная смесь, мы поглощали ее пачками, разводили с водой, и получалась каша, а чтобы получились конфеты, посыпали какао и ставили в холодильник. Она была такая вкусная, самая вкусная в моем детстве, больше нет этого вкуса. Он остался где-то там далеко, он был счастьем, маленьким, простым, но таким большим детским счастьем.

Люся

Я РЕВНОВАЛА БРАТА ко всем, особенно к девушкам. Они звонили нам домой и спрашивали Лешу, мне было лет восемь, он уже учился в институте, я изображала взрослый голос:

— А кто это?

— Света.

— Света, а вы знаете, что он женат и у нас трое детей. И не звоните сюда больше!

Некоторые верили, я смеялась от души. Брат обижался.

Только к одной его девушке я не ревновала, она была мне как сестра, как мать и как лучшая подруга одновременно. Мне кажется, только ее одну он и любил по-настоящему и до сих пор любит. Люся, я всегда вспоминаю ее с теплотой, как будто ее имя — это солнышко, которое согревает меня даже теперь откуда-то далеко, через много прошедших лет. Она носила линзы, я помню эти бесчисленные баночки с растворами в холодильнике; ей нравилась цветная капуста и сметана с сахаром, она могла съесть огромное количество и того и другого; мы любили с ней танцевать, и она обещала когда-нибудь, когда я подрасту, взять меня с собой на дискотеку; она курила длинные сигареты с запахом клубники, тайком от моего брата, он был против; это она научила меня не бояться спать без света. Я спрашивала:

— Как же ты не боишься?

Она отвечала весело, как всегда:

— А мне каждую ночь снятся сказки. И я ложусь и думаю, что же мне приснится сегодня.

Мне не снились сказки, да и цветные сны мне снятся редко и забываются быстро. Но пока я лежала и представляла, что мне приснится, я незаметно засыпала. Она укладывала меня спать. И обязательно перед сном звонила домой и всем желала спокойной ночи. Я до сих пор слышу ее ласковый голос: «Спокойной ночи, Женечка! Спокойной ночи, мамочка! Спокой-

ной ночи, Наташенька!»». У них большая семья, четверо детей, старшая и младшая — девочки, а в середине два мальчика, один мой ровесник, Женя. Мы с ним дружили, и были такие счастливые оттого, что мой брат и его сестра вместе, — это так здорово быть счастливыми за кого-то. Женька любил моего брата так же, как я Люсю, и даже в чем-то пытался ему подражать, наверное, он был для него примером. Мне кажется, он больше всех переживал, когда они расстались. Мне кажется, он переживает и теперь, спустя столько лет. Он взрослый парень, в прошлом году закончил МГИМО. Я нашла его случайно через Интернет, и даже сквозь сеть почувствовала, как ему больно, когда стала говорить про Лешу с Люсей. Да и мне стало горько.

Их семья всегда казалась мне настоящей, там все друг друга любили и все были вместе, всегда. И Люся — она тоже хотела, чтобы мы все были вместе, чтобы мы были одной семьей. Куда бы они ни шли с Лешей, они всегда брали меня с собой.

Все в прошлом. Брат женился, а спустя два месяца — развелся. Вернулся домой уже через неделю после свадьбы. В том доме, в доме его жены, все смеялись над ним, из-за того, что он не пьет совсем, считали его ненормальным, говорили, что он, наверное, больной, что лечился, небось. Он собрал вещи и ушел. Он ведь из-за матери не может пить, после развода она сильно пила — и он, наверное, помнит больше, чем я. Видел то, чего ему бы не надо было видеть. Зато теперь на всю жизнь. Ни капли не может. Отец как-то повез нас в церковь, в строительство которой он вложил много денег, на причастие. И батюшка в знак признательности отцу причащал нас отдельно. И когда Леше дали вино, я зажмурила глаза, я знала, что он не сможет, и боялась, что отец будет ругаться. Он сделал глоток и тут же выплюнул. Было очень неловко. Отец вышел и ничего не сказал.

Рома

ПОСЛЕ ССОРЫ с отчимом брат переехал к бабушке, а мне было некуда. Так я осталась одна с матерью. Но вырастил меня совсем другой человек — Рома. Он был рядом со мной с четырнадцати лет, он был старше почти на шесть, он любил меня больше жизни.

Мы познакомились в шутку по телефону. Целый месяц говорили обо всем на свете и ча-

сто о какой-то ерунде. Он был не такой, как все мои знакомые мальчишки, он был другой, он был взрослый. Домашний, заботливый, он обо всем всегда заботился слишком, и это меня удивляло. Рома говорил о семье, о том, что хочет детей, и все слова у него были теплыми, как пирожки. Он живо интересовался всеми моими проблемами, глупыми, детскими, и серьезными для меня. И всегда умел меня успокоить. Как маленькую утешал и качал на руках, и все делал, как я хотела, и никак иначе. Постепенно я становилась избалованной и капризной. Я привязалась к нему, как бездомный щенок, подбренный жалостливыми людьми. И уже почти ничего не могла делать без него.

Он был рыженький, но очень обижался, когда ему об этом говорили. Небольшого роста, ловкий и проворный, с живыми и подвижными глазами, он ни минуты не сидел спокойно. Рожденный в год обезьяны, если верить гороскопу, он очень походил на это животное, а еще больше на волчок. Он успевал сделать столько дел одновременно, и все время что-то делал. Руки его как будто сами хватались за какое-нибудь дело. Вот, он паяет молнию на куртке, а вот, привинчивает плинтуса, склеивает антенну или чертит за меня чертежи, ползая по полу с большой линейкой в руке. Все эти картинки так ярко проскакивают у меня перед глазами, что даже сложно остановится на какой-то одной, так много он всегда успевал сделать, и все у него получалось.

Когда мы встретились с ним в первый раз, после этих долгих телефонных разговоров, он мне не понравился. Мне было четырнадцать лет, и парень моей мечты походил на красавца-актера из нашумевшей мелодрамы, а Рома совсем с этой картинкой не сходился, никак. Я тогда не понимала, как все это глупо.

Я хотела пройти мимо него, это же было свидание вслепую, а он догадался, почувствовал, что это я. Мы гуляли по осеннему парку, утаптывая желтые мокрые листья, а когда проходили через мост, он остановился на середине, посмотрел на меня и сказал вдруг:

— Когда-нибудь я перенесу тебя через этот мост на руках.

Так обычно носят невест на свадьбе. Мне понравилось то, что он сказал, мне не понравилось, что сказал это он.

Ему хотелось жениться, и все вокруг тоже очень хотели, чтобы мы поженились, и все время этого ждали от нас, вернее от меня. Так долго ждали, что этого так никогда и не произошло.

Мне казалось тогда, что свадьба — это так страшно, что на меня свалится куча обязанностей, забот, придется повзрослеть, а взрослеть я не хотела. И я так плохо представляла себе, что такое семья. У меня никогда не было ее, и я не знала как это.

Рома решил ждать сколь угодно долго. Была, конечно, и бездна всяких материальных проблем, которыми он и занялся. В армию он не пошел из-за меня, боялся оставить одну, устроился на РККа (ракетно-космическая корпорация). А там единственный способ заработать — это командировки. Их отправляли на Байконур, на запуски, там платили в долларах за каждый день. И сначала мы вдвоем плакали в телефонную трубку, я как маленький ребенок, которого оторвали от груди, он как человек, у которого забрали самое дорогое на свете.

Я не умела долго ждать, но старалась, плакала и ждала. Сидела одна все праздники и смотрела на людей на улице. Они шли мимо, веселые и счастливые. А потом постепенно стала привыкать к этим командировкам.

Уже не таким ужасным казалось ожидание и не таким далеким расстояние. Он всё что-нибудь привозил, и ревновал безумно. И все повторял одно и то же: «Я тебе не верю». А потом и вовсе стал добавлять: «Я тебе никогда не верил!» или «Почему я должен тебе верить?».

Рома искал всюду, в карманах, в записных книжках. И однажды в моем дневнике нашел записку про парня, которого я любила, и который любил меня, и с которым пришлось расстаться. Он же не знал, что я все это придумала. Придумала его целиком и полностью, но я настолько верила, что он есть, что и Рома тоже поверил. А я нарочно рассказывала ему о нем, вздыхала трагически и чуть ли не плакала. До сих пор он не знает, что я все выдумала тогда. А когда говорю теперь — не верит, ни единому слову не верит.

Таня и Коля

ОН РЕВНОВАЛ даже к своим друзьям. Первый раз, когда он привел меня к ним, был чей-то день рождения, кажется Колин. Коля был высокий парень, себе на уме. У него были яркие зеленые глаза, и он чаще всего молчал, то ли оттого, что не любил говорить, то ли оттого что не знал, что сказать. Я мало о нем знаю. Но из-за своей молчаливости он все время выглядел задумчивым и казался всем девчонкам загадоч-

ным и романтичным. Хотя вовсе и не был таким, но казался. Он встречался с Таней, она была хорошенькая, улыбчивая, приветливая и мне нравилась, по-моему, она его действительно любила. Она ждала от него ребенка, но тогда они оба учились в институте, негде было жить, ничего не было, да и Коля не хотел становиться отцом так рано. И Таня сделала аборт, и рассказала об этом только Роме, они дружили, а он — мне. А Коля так и не узнал об этом. Потом они расстались. Коля женился на женщине гораздо старше и с ребенком, и Таня вышла за кого-то замуж. И у них родились дети, у Коли, кажется, близнецы, а у Тани, кажется, дочь. И все это было давно, но ведь нельзя же отнять у человека воспоминания, так же как нельзя отнять первую любовь. Иногда я думаю, что было бы, если бы они не расстались, и если бы у них родился ребенок. Ведь это могло быть, но так никогда и не было.

День рождения

ТАК ВОТ, ЭТО БЫЛ Колин день рождения, и они еще были вместе. Они все были ровесники, учились курсе на третьем или четвертом в университете сервиса. А Рома привел туда меня четырнадцатилетнюю девочку, мы, правда, долго врали им всем, что мне шестнадцать, а потом когда мне исполнилось шестнадцать, что восемнадцать, но, по-моему, они догадывались и посмеивались над ним за то, что привел какую-то малышку. У них уже были совсем другие проблемы, кто-то с кем-то встречался или жил, кто-то женился, у кого-то не ладилось с работой или с институтом. Все это было мне непонятно, и я сидела там одна и почти не с кем не разговаривала. Рома совсем не мог пить, то есть когда он выпивал, его организм почему-то выплевывал все обратно. А выпивать приходилось, и вот на Колин день рождения произошло тоже самое, и Рома пошел в туалет, а меня оставил с Сережей, он боялся оставлять меня одну. Сережа был уже сильно пьян и потащил меня танцевать. И когда Рома это увидел, он тут же на него сорвался, они подрались, и долгое время не разговаривали. Потом примерно тоже случилось с Пашей. Он нечаянно зашел ко мне в ванную, Рома узнал об этом и Паша тоже получил ни за что, с тех пор все его друзья старались обходить меня стороной, так я и сидела все праздники одна. Рома, когда выпивал становился невозможен, то он кричал, что я со всеми ему изменяю, то плакал и не

хотел ложиться спать без меня. Когда мы праздновали Новый год, двухтысячный, тот самый миллениум, которого все ждали, как очередного конца света, Рома так устал, что валился с ног, падал лицом в тарелку. Квартира маленькая, гостей много, и спать почти негде, осталось два места на кровати. Спали в основном те, кому на работу вставать. Донесли его до кровати, а он расплакался, как ребенок: «Я без Тани не лягу». Мне не хотелось спать, но пришлось лечь, а Андрею перед работой спать на полу.

Он любил до безумия, до слез, любил, как, наверное, любят один только раз в жизни, и готов был все для меня сделать, даже самое невозможное. И у него получалось. Никто не верил, что такие вещи возможно сделать: что можно залезть на восьмой этаж по балконам; что можно починить самые безнадежные вещи, за которые бы никто и не взялся; что можно ждать пять часов на лютном морозе; что можно сплести из проволоки розу, а из консервной банки вырезать пальцем сердечко; что можно то, во что и поверить сложно. Все удивлялись, и думали, что Рома волшебник, что он все-все на свете может, и я так думала, а он просто любил.

Рома всегда был рядом, где бы я ни была, и чтобы я ни делала, даже оттуда из Казахстана, куда он уезжал запускать ракеты, — он был рядом. Помогал мне учиться, и радовался даже самым мелким моим успехам, как родители радуются за своих детей.

Мама не радовалась за меня, она всегда забывала, а папа не знал или не хотел.

А может, просто, они не считали это важным. Мама все время называла мой колледж то училищем, то ПТУ, а то и вовсе спрашивала, как дела в школе.

Дети из детского дома

КАК-ТО В НАШ КОЛЛЕДЖ приехали дети из детского дома, которому мы помогли. Помню, тогда Зорина, замдиректора по воспитательной работе, ходила по группам, и настоятельно требовала, чтобы все привезли вещи и сдали деньги. Она раньше работала в колонии для несовершеннолетних и иногда забывалась и разговаривала с нами, как с ними, за это мы ее не любили. Она нас тоже не любила, видимо подзревая в нас хорошо скрытых малолетних преступников.

Детей было немного, и я почти забыла их лица и имена. Они стеснялись и совсем на нас не

смотрели, или смотрели так, будто у нас есть все, а у них ничего. Они приехали из глухой деревни. Их детский дом выживал только разведением домашнего скота и небольших огородов. Они все от мала до велика работали в этом хозяйстве каждый день, немножко шили, что-то пытались продавать. Как они жили? На что? Я до сих пор не понимаю этого.

Кто-то из наших преподавателей спросил у одной из воспитательниц, что им нужнее всего, что лучше присылать. Воспитательница ответила неожиданно для всех. Она сказала, что им ужасно не хватает нижнего белья, то есть элементарно нет трусов и бюстгалтеров для девочек, не во что их одеть. Ведь одежду присылают, да и шьют они сами кое-что, а вот с этим просто беда.

Перед нами сидели дети, у которых не было трусов. А мы для них со своими проблемами, со своим горем, — мы им казались счастливыми, благополучными, обеспеченными, нам завидовали.

У меня сжалось сердце, мне хотелось сказать им, да нет же, ведь мы же такие как вы, мы, наверное, даже хуже. Мне стало жалко их, потому что себя жалко. Как будто они это я. У меня был Рома, а у них не было никого в целом свете.

И я опустила глаза и больше не смотрела на них. Отчего то мне было тогда стыдно и обидно, что я не с ними, и что не помогла им ничем.

Всегда в такие моменты, кажется, что надо что-то сделать, и не знаешь что, и от этого еще тяжелее. И по лицам сидящих рядом было видно, что и они думают тоже, что и им больно за этих детей, и хочется помочь.

А потом они уехали и все забыли о них, и о том, что они были, и о том, что хотели помочь.

Тетя Надя

Я УЖЕ УЧИЛАСЬ на первом курсе института, когда осталась совсем одна, так же как они. Родители отказались от меня уже давно, то есть нет, они были формально, по всем документам были, но ведь и у тех детей они тоже были. У меня оставался один Рома, он был мне и за папу и за маму, но он считал себя мужем.

В одной из командировок Рома встретил девушку, и я стала ему не нужна. Я тогда заболела очень сильно ангиной. Меня хотели положить в больницу, но я отказалась, не люблю больницы, особенно нашу, там всё только за деньги или по знакомству уже давно, у меня не было ни того,

ни другого, да и то там скорее умрешь, чем вылечишься. Когда врач спросил, не глядя на меня:

— У вас есть кому колоть?

Рома сказал, что сам будет колоть мне антибиотики, что он умеет, обещал, и через несколько дней уехал в командировку вместе с ней. Я лежала на кровати в пустой комнате, ни есть, ни говорить я не могла, плакать я, наверное, тоже не могла, потому что не помню, чтобы я плакала. А может это оттого, что мне казалось, что я уже умерла и теперь это вовсе не я, а как будто я стою и смотрю на это слабое, почти безжизненное, тело со стороны. Я пролежала так около двух недель.

Он вернулся, просил прощения, говорил, что это было глупо. А я плакала всякий раз, как он приходил. Я простила, а забыть все никак не получается. Он клялся, что всегда будет рядом, что никогда меня больше не оставит. А я смотрела на него сквозь слезы, говорить я все еще не могла, писала ему карандашом на бумаге трясуцимся руками.

Уколы мне делала соседка, тетя Надя, она работает медсестрой в интернате для детей-инвалидов, она очень добрая женщина. Ее старший сын стал наркоманом, и когда он, обколотый, не пускал ее в квартиру, она приходила к нам. Он мне почти ровесник, мы вместе играли в детстве. Он рано женился, у него была маленькая дочка, это все было еще до того, как он попробовал наркотики. Она рассказывала мне про него, и голос у нее дрожал. И все верила, что наладится, что он перестанет. Она знала как врач, что ничем не поможешь, но как мать она верила, и хотела, чтобы другие тоже верили, и потому так говорила. Через несколько месяцев после того, как я выздоровела, ее сын умер.

Антибиотики убили все, что было нужно и не нужно. Врачи советовали солнце, море и витамины. Так странно сначала организм травят, чтобы в нем ничего не осталось, а потом начинают пичкать всякими полезностями, в этом и заключается лечение. Рома сказал, что мне надо отвлечься и обо всем забыть, он чувствовал себя виноватым и хотел поскорее избавиться от этого чувства. Как раз наступило лето, у меня были каникулы, он взял отпуск, и мы уехали на юг. Всю дорогу Рома не отходил от меня, просил прощения, все что-то говорил, я не слушала. Я как будто перестала его замечать, он был, но его не было, он казался мне какой-то данностью, необходимостью, которая просто есть, которая должна быть, как стул или стол. Мне было со-

вершенно все равно. Конечно, это было плохо, несправедливо. Я знаю, знаю. Но тогда мне было все равно.

Джанхот

Я ЕХАЛА В ГОРОД ДЕТСТВА, туда, где когда-то я была счастлива. Джанхот. Я впрочем, даже не знаю, носит ли он название города или может села. Ведь в сравнении с такими городами, как Новороссийск, или хотя бы Геленджик, он совсем не заметен на карте. Когда я была маленькой, мы ездили в те края каждый год, а чаще всего именно в Джанхот, вместе с мамой, вдвоем. Нам все время перепадали путевки то от Лестеха, то от Физтеха.

Там было сказочно, там все казалось мне волшебным. Там гуляли павлины, распуская хвосты, дельфины подплывали прямо к берегу, на маленьком рынке возле пляжа продавали самую вкусную, настоящую чурчелу и аджику, а кругом горы и сосны, темные и загадочные, высоко-высоко меж ними, притаившийся от жаркого солнца, дом Короленко. Я часто бегала туда, мне нравилось бродить по пустым комнатам. Спящий сторож в билетной кассе меня не замечал, к тому же он редко бывал на месте, экскурсий туда почти не было, тогда еще не придумали делать из этого бизнес. И я без труда проходила через деревянную калитку и бродила по дому. Это так странно: обжитый, обставленный дом, все вещи на месте, а никого нет. Будто люди жили только что, и вдруг в одну секунду исчезли. А следы жизни: открытая книга, чашка с чаем, развернутая газета, небрежно брошенная рубашка — остались. Как в страшном кино, как в романах Стивена Кинга. А ты ходишь, и пытаешься догадаться, куда же они все исчезли, что же случилось.

Говорят, что там появляются привидения, и что кто-то даже нечаянно их сфотографировал, снимал пустой дом, а потом на фото проявились и они.

В этом доме иногда и правда бывает жутко. Как будто чувствуешь, что рядом кто-то есть, ходит за тобой. Когда мне становилось страшно, я убегала вверх по тропинке, на самую вершину, где стоит скамейка писателя, а вокруг лес и никого, ни одной живой души. И даже солнце с трудом пробивается сквозь густоту сосен.

Около этого дома рос огромный кедр, самый большой в мире, считается, что если обхватить его целиком и загадать желание — то оно обяза-

тельно сбудется. У меня не получалось обхватить и четверти, но я загадывала, чтобы папа с мамой были вместе, чтобы они помирились. Не знаю, помог ли мне тогда кедр или это вышло само собой.

Через несколько дней мы встретили папу на пляже, это было как раз после развода, он отдыхал с друзьями, они жили наверху в домиках, а мы в студенческих вагончиках чуть пониже. Я бегала от мамы к нему и наоборот, и у меня было впечатление, что они снова вместе. Чтобы там не говорили, каждый ребенок мечтает, чтобы его родители были вместе. Может быть где-то глубоко внутри, может и не признается в этом никогда, но мечтает. Потому что он часть их, он те же они. И какие бы плохие они не были, каждый ребенок мечтает о том, чтобы они были вместе.

Мне казалось, я помню каждый кусочек земли, каждую улитку, ползущую по дороге на пляж, каждый цветок, который я сорвала, весь наш путь от пляжа до столовой, по вечерам там давали кефир. Помню все запахи, все звуки, каждый луч солнца и каждую песчинку на пляже, всё-всё.

Я хотела вернуться хоть ненадолго, увидеть этот город, в котором было так хорошо.

Мне все это казалось. Когда мы приехали туда с Ромой, я не узнала ничего.

Пляж, который был для меня огромным, на самом деле маленький, замусоренный, и все вокруг такое же маленькое, тесное, чужое, незнакомое. И дом Короленко совсем не выглядит странным и загадочным, он выглядит обветшалым и заброшенным. Он стоит на скале, как гордый, одряхлевший, всеми покинутый старик, такой же покинутый, как я.

Я выросла, а он стал меньше. Совсем не тем, что раньше. И все было не так, совсем не так. Он остался только в моей памяти, я боялась стереть ее, боялась запомнить его другим, и решила про себя, что это не он, что это совсем другое место. Совсем незнакомое, как и тот человек, что все время был рядом, что считал себя мужем.

Я никогда не думала об этой девушке, с которой был Рома, вернее она была не совсем девушкой, у нее был муж и сын, они с Ромой почти ровесники. Она жаловалась ему на мужа, говорила, что он ее бьет, и Рома бежал ее защищать. Он мне все всегда рассказывал, даже это, все и всегда. Он кричал, что наконец-то нашел человека, которому он не безразличен, что она может ему дать, то чего не могу я, семью и детей, что ему уже пора, уже возраст, уже двадцать

пять, а мне еще не исполнилось девятнадцать. Мне нечего было ему ответить, и я ревела, забившись в угол. А потом все стихло, потом он вернулся, я не помню уже, как и почему. Это было давно. Он вернулся чужим, и я перестала ему верить. Я не сказала ему об этом, но он ведь и так понял, он почувствовал. А мне хотелось мести, хотелось, чтобы он хоть капельку того же пережил, а больше всего хотелось бежать от него подальше, но мне некуда было бежать.

Дом-дом

МЫ ВЕРНУЛИСЬ с юга, и я целыми днями сидела одна. А когда вот так вот сидишь, то все время кажется, что надо что-то сделать, и начинаешь делать какую-нибудь ненужную, бесполезную ерунду, убираешься в комнатах, разбираешься в шкафах. Я нашла пакет с вещами, который когда-то собирала для детского дома, чтобы отвезти в колледж и передать тем самым детям. Где теперь эти дети? Что с ними? Не знаю. Но ведь собрала, значит надо отдать, не им так другим, надо. И я судорожно бросилась к телефону, обзванивать детские дома. Спрашиваю, не нужны ли им детские вещи. Везде одно и то же. Они работают только с организациями, и просто так привезти им вещи нельзя. В организациях монотонно говорят: «Перезвоните», «Заполните анкету дарителя...».

— А самой отвезти нельзя?

— Нет. Вы должны приехать к нам и заполнить анкету.

Не понимаю, зачем они мне все это говорят?

Я злюсь уже на себя. Зачем я это все? С чего вдруг? Через несколько лет вспомнились эти дети в колледже, и эта фраза «Нет даже нижнего белья». Жалко их всех, как саму себя жалко. Почему так несправедливо? Так сложно? Почему нельзя просто взять и отвезти? Звоню набум в последний по списку, в Ивантеевку, спрашиваю уже без всякой надежды:

— А можно вам вещи привезти?

— А что там?

— В основном одежда.

— Привозите, — говорит женщина и кладет трубку.

— А куда?

Гудки.

Я нашла адрес, нарисовала схему — далеко. Зато не в Москву с утра по жаре в электричке, я представила, как все будут давиться и впахиваться в душные вагоны, а я сяду и поеду почти

в пустом в обратную сторону, и обрадовалась. Мне вспомнилась платформа в зеленом лесу, по дороге на дачу мы обычно проезжаем Ивантеевку, и она всегда мне нравилась.

Два неподъемных пакета, я ведь хотела отвезти все. Наверное, я была похожа на муравья, который тащит огромное бревно. Прохожие оборачивались и с удивлением смотрели на меня. Но помочь никто не предложил.

Я останавливалась через каждые пять метров, ставила пакеты на землю, меняла руки, отдыхала, и шла дальше. По фрязинскому направлению ни одной электрички в течение двух часов, зато прошли пять пушкинских подряд. Я сообразила и поехала через Болшево автобусом, наугад, не знала, ходит там хоть что-нибудь или нет. Оказалось, что ходит до поворота.

Мне казалось, что я делаю что-то хорошее, важное, и поэтому мне не было страшно, что я не найду дороги, не было больно в стертых до крови ладонях, и усталости не было, она где-то притаилась, она знала, что я вот только отнесу и обратно уже без пакетов поеду. Какое-то совсем непонятное, необъяснимое радостное чувство.

Я ехала в автобусе и все было солнечным, приятным, добрым, даже жара. И люди были улыбочивые, и все пытались помочь и объяснить. Девушка с маленьким мальчиком, такая худенькая и тоненькая, что они походили на брата с сестрой, а как я узнала позже, оказались матерью с сыном, показывали мне дорогу.

— А вы мне скажете, когда выходить? — спросила я водителя.

— Давайте я скажу, мы тоже там выходим. А что вам там нужно?

— Детский дом.

— «Теремок»?

— Ой, я не знаю, как называется.

— Ну, да, теремок, там вроде он один.

Мы вышли на повороте. И девушка повела нас за собой, постоянно оборачиваясь и предупреждая, чтобы мы не попали под машину. Две остановки на другом автобусе и она сказала, что мне выходить и прямо через дорогу.

Я пошла по асфальту до конца и уперлась в красивое большое трехэтажное здание с флагами и клумбами. Помню, еще обрадовалась и подумала: «Ничего себе детский дом!». А это был вовсе не он, а какое-то правительственное сооружение. Рядом в маленьком вазике сидели два узбека-строителя.

— А вы не подскажете, где здесь детский дом?

— Дом-дом! — обрадовались они и стали показывать мне на жилой дом.

— Да, нет же, детский дом.

— Дом-дом! — они продолжали показывать туда же, не понимая, чего я еще от них хочу.

Я поняла, что это бесполезно и пошла во дворики маленьких трехэтажек, наверное, построенных еще до войны. Двор тихий и зеленый, на веревках висит белье, и на балконах кое-где тоже. На улице ни души. И такие они теплые, родные, словно смотришь старый советский фильм, или вернулся в детство. Эти домики они как бабушки, и дедушки, всегда рады тебе, всегда ждут твоего прихода, и пахнут чем-то вкусным, домашним.

На мое счастье из одного дома вышел мужчина.

И я пристала к нему с тем же вопросом.

Он задумался: «Детский дом? Ну... Пойдемте за мной, я тоже в ту сторону».

Сначала мы пролезли в одну дырку в заборе, потом в другую, мне было страшновато пролезать в них с такими здоровыми пакетами, но мужчина делал это так уверенно и непринужденно, будто он ходит так каждый день, мы наискосок пересекли детскую больницу и вышли к пятиэтажкам. На перекрестке возле палатки с овощами и фруктами, ругались две бабушки:

— Понаехали тут. Наглые. Обвешивают у всех на глазах.

Другая ее поддерживала:

— Да, ты посмотри сколько их. Все заполонили. Таргаши проклятые...

Нерусские торговцы что-то почти матом кричали в ответ. Разобрать было сложно.

— Теперь вам туда. — Мужчина показал неопределенно в сторону двух домов и ушел.

Окруженная со всех сторон стояла школа, а напротив небольшое здание, похожее на музыкальную школу или на дом культуры, куда ходят заниматься в кружки. Мне надоело спрашивать, и я пошла напрямую к нему. Около соседнего дома сидели на лавочке старушки, увидев меня, они смолкли. Может, они подумали, что я к кому-то из детей, что я кого-то бросила, или что я чья-то мама.

Калитка была открыта, вдоль дорожки цветы, клумбы и деревья, качели и карусельки, на которых сидели дети.

— Здравствуйте!

Я не сразу поняла, что это мне и пошла дальше.

— Здравствуйте! — закричали они еще громче.

— Здравствуйте! — удивилась я.

Они побежали ко мне. Два мальчишки и девочка лет шести-семи.

— А вы к кому?

— Наверное, к вам.

— А что там? — они накинулись на пакеты.

— Это вам.

Они стали разворачивать и выбрасывать прямо на дорогу.

— Давайте занесем, а там посмотрите.

— А как вас зовут?

— Меня? Таня. А вас?

— Я Коля Куралесов. — Он повторил несколько раз, как будто хотел, чтобы я запомнила.

— А я Кирилл, а это Настя.

Коля подхватил пакеты и потащил их к крыльцу.

— Давай я понесу, тяжелые же. Ты не дотащишь. — Испугалась я.

Он замотал головой и еще сильнее вцепился в пакеты.

Дом был маленький, уютный. Сразу, как войдешь — два креслица и стол с телефоном. За столом сидел пожилой мужчина, наверное, он был завхозом или вроде того, он улыбнулся нам, и даже ничего не сказал и не спросил.

— Это мне... О, платье, смотри какое, это Настыке... О, карандаши, это мне, я рисую...

— Оставь до школы. — Вмешалась воспитательница, которая проходила мимо по коридору.

— Да им к школе еще подарят. — Успокоил мужчину.

Кирилл выворачивал пакеты, прямо на пол, и распределял вещи. Настя с Колей покорно стояли и ждали, что им перепадет.

Книжки он откинул сразу.

— А это, что?

Он нашел пластмассовый чемоданчик с игрушками от киндер-сюрпризов. И тут же все внимание переключилось на него.

— Ух, ты смотри, киборг... А это че? Смотри...

В цветочке сидел пупсик.

Мальчишки засмеялись.

— Отдайте его Насте. — Предложила я.

Девочка робко стояла в стороне и ни слова не говорила. Грустная, и как будто чем-то испуганная. Она не радовалась игрушкам, и даже не интересовалась, что в пакете.

— А откуда ты знаешь, что она Настя?

Кирилл смотрел с недоверием.

— Ты же сам сказал.

— А.

Он даже расстроился. Может, он подумал, что я ей какая-нибудь родственница.

— Не пищит?!! Батарейки сели.

Коля достал плюшевую мышь и изо всей силы давил на нее.

— Она, наверное, и не пищала.

— Да, нет, батареек сели.

Они продолжили перекапывать пакет, уже совершенно меня не замечая. Они были как мы с братом когда-то. Помню, папа работал в фирме, которая продавала всякие печенья, шоколадки, конфеты — все эти киндеры, сникерсы, твиксы. Когда мы приезжали туда, то он отводил нас на склад, и мы могли брать все, что хотим. Мы сметали все, не глядя, не выбирая, просто хотелось ухватить побольше, как будто больше никогда не дадут.

— А машинок нет?!! — спросил Кирилл, когда пакет иссяк.

— Нет. А ты хотел машинки?

— Да, привезите машинки. Привезите машинки, пожалуйста! — они загалдели вместе с Колей.

— Хорошо, я привезу, обязательно привезу. Я к вам еще приеду, обещаю. Мне уже пора, а то на электричку не успею.

Воспитательница мне кивнула, устало и с улыбкой.

— Спасибо вам.

— Они у вас очень хорошие. Я обязательно приеду еще.

Гузель

ОТКУДА ВЗЯТЬ машинки? От брата не осталось, а от меня только куклы. С тех пор я стала собирать вещи для них, оказалось, что столько людей хотели бы отдать вещи, но не знают, как это сделать. Больше всего мне принесла Гузель. Когда-то мы вместе с ней учились в колледже, и вместе видели детей, которые приезжали к нам, и которые так врезались мне в память и забылись. Не знаю, помнит ли она их, должно быть, помнит, но тогда все как-то легче, иначе было. Гузель была талантливее всех нас, это было заметно сразу, с самого первого курса. У нее был талант, искра Божья. После колледжа она устроилась главным дизайнером в престижную фирму, многие ей завидовали, так и отлетели все якобы подружки. Она училась, работала, мы мало общались, все некогда, да и не успели как-то толком сдружиться. Прошлой весной, я случайно ей позвонила, теперь и не вспомню за чем. А она неожиданно для самой себя, ведь никому старалась не говорить, не хотела ни жалости, ни лишних расспросов, а мне почему-то

сказала: «У меня мама при смерти лежит». Мы проговорили долго-долго, почти всю ночь. Это было накануне Пасхи. И я все старалась ее успокоить, не знала, что же еще сказать. Мне так хотелось внушить ей хоть немного надежды, она уже не верила ни во что.

— А может к какой-нибудь бабке сходить. Сейчас же Пасха, а на Пасху можно и мертвого поднять.

— Это у вас Пасха.

— Господи, ну да конечно, я же совсем забыла.

Гузель была мусульманкой, и вся ее семья тоже, они из Уфы.

Я еще что-то говорила, пыталась успокоить. Она почти спокойно отвечала, что уже все бесполезно, что мама уже год лежит, что у нее рак в последней стадии, что они уже готовятся. И плакала, тихонько про себя, не говорила, но я слышала по голосу.

На следующий день, в Светлое Христово Воскресение, я поставила свечки ко всем иконам, и просила только одно, чтобы мама Гузель поскорее поправилась.

Я не знала, что ее уже не было на свете. Гузель написала мне только вечером, смской, звонить видно было тяжело: «Тань, у меня ма сеня ночью умерла. Лечу в Уфу хоронить, рейс задержали на 4 часа».

Позже она расскажет, что это произошло как раз после нашего разговора. А тогда я и не знала, что ответить, чем помочь. Написала просто: «Если бы я могла тебя сейчас обнять, я обняла бы тебя крепко-крепко».

У меня теперь есть еще один очень близкий, очень родной человек. Она как будто стала всех нас взрослее. Все время говорит мне: «Одевайся теплее», и всегда знает, что делать. Я звоню ей, и она успокаивает меня, дает мне самые мудрые советы, как мама, я ее очень люблю.

Я собирала вещи по друзьям, по знакомым и по незнакомым, и отвозила их, не всегда, но когда могла. Я чувствовала себя нужной, они меня ждали, они мне радовались, как никто и никогда мне не радовался. Мне кажется, что люди уже не умеют радоваться, так как они. Ведь это мелочи, отвезти свои старые игрушки или одежду, это такая малость, а они так радуются. Это так здорово, так приятно, когда ты можешь кого-то сделать счастливым, такого маленького человека. Они искренны. Они не скажут спасибо сквозь зубы или потому что так надо, как говорят, обычно дети моих подруг или родственников. И невозможно не приехать к ним еще. Они столько пережили, мне иногда кажется, что они

старше меня, правдивее в сотни тысяч раз. У них слишком взрослая душа. Они не умеют врать, потому что их самих обманули.

Вместе с ними появился какой-то смысл в жизни. Я не всегда понимала почему, да и зачем я все это делаю. И их тоже не всегда понимала, даже боялась их сначала, а потом стала как они. Приезжала, играла с ними, и знала, что обязательно вернусь, приеду еще. Не потому, что надо или обязана, или жалко, а просто хотелось. Хотелось их всех увидеть еще.

Как-то я даже взяла с собой Рому. Он тоже играл с ними, и, по-моему, даже был рад, что съездил. Но мы были с ним как чужие, как совсем незнакомые люди. А одна девочка взяла меня за руку и спросила:

— Это твой брат?

— Нет.

— Вы похожи.

Мы не были похожи, но не были и непохожи, мы просто были, да, наверное, вели себя, точно давние, прижившиеся, привыкшие к друг другу родственники.

Максим

ОН НЕ ЗАМЕТИЛ, что со мной произошло, никто не заметил, кроме одного человека. Я влюбилась. Мы познакомились с ним случайно. Я тогда помогала одной подруге, журналистке, она собирала материал о молодежных движениях, скинхедах, фанатах и прочих. И тщетно спрашивала по всем знакомым, не знает ли кто, кого-то из них, не состоит ли в каких-нибудь движениях. И вдруг неожиданно, через десятые руки, нашелся какой-то парень, который знал и к тому же готов был познакомиться. Я приехала тогда поздно вечером с соревнований по плаванию, я была жутко уставшая, будто в воде растворились все мои силы, и у меня были мокрые волосы. На календаре была середина декабря, а на улице слякоть и теплота марта. Этот парень привел двоих человек. Один из них был скинхедом и фанатом, другой же не был ни тем, ни другим. Но я сразу поняла, кто он. Подумала тогда, что только его смогу ждать долго-долго, дольше жизни. Он глядел уверенно, знал, что я буду его. Я полюбила его за смелость, которой в нем может и не было на самом деле, откуда мне знать, но я ее видела, я видела лишь его в тот вечер и больше никого, и ничего, и говорила только с ним, и совсем забыла зачем же на самом деле пришла и подвела свою подругу.

У него такое, любимое почти всеми девушками имя. Сколько бы я не читала первых девичьих повестей и романов, главным героем везде оказывался парень по имени Максим. И мои подруги, собиравшиеся стать мамами, в один голос твердили: «Если будет сын, назову — Максимом». И всюду было это имя, или оно мне только чудилось, или хотелось его слышать снова и снова.

Он был такой же как я, потерянный. У него замечательная мама, и отчим, которого он считает отцом, и брат родной, старший, как у меня. Хорошая благополучная семья. Словом, у него было все и не было ничего. Что-то случилось еще где-то там, в детстве, надломилось и никак не хотело срастаться. Максим никогда не говорил со мной о своем настоящем отце, один раз только сказал: «Увидел бы — убил».

Он стал приходить ко мне каждый день и все говорил, рассказывал мне всю свою жизнь, и армию, и кражи, и все самое страшное на свете, как будто хотел выговориться на сто лет вперед. А я все тоже о себе. И мы до утра не могли наговориться, и даже днем о чем-нибудь говорили, звонили друг другу и говорили.

Мы спали, как сросшиеся деревья, и я забывала, где кончается он и начинаюсь я. Мы были так близко, мы были так похожи, что даже врали одинаково. У него была девушка, у меня Рома. Он долгое время не говорил мне о ней, он забыл о ней, как я когда-то забыла про Рому. А Рома был в командировке, и звонил мне каждый день, желал спокойной ночи и обещал, что скоро приедет, и не приезжал. Я врала, что ложусь спать, и шла к Максиму. И он что-то такое же говорил Оле.

Рома давал мне деньги, мне больше неоткуда было их взять, я училась в институте, и не хотела его бросать, с отцом мы поругались, и уже несколько лет не разговаривали, глупо так поругались, из-за брата, из-за квартиры. Из-за какой-то ерунды. Он сказал, что я ему не дочь — я хлопнула дверь и ушла навсегда. Мы оба были гордые, и никто не хотел мириться. А мне казалось, что ему все равно наплевать на меня, так значит, оно и к лучшему не надо делать вид. Я решила, что первая не сделаю этого никогда. А он считал, что я должна, поскольку я младше.

Просить денег у матери, было все равно, что просить у отчима. Поэтому я брала их у Ромы. Это было стыдно и мерзко, но я зависела не только деньгами, гораздо хуже, я зависела от него, как ребенок от матери. Он был моя семья, он вырастил меня.

И у Максима было тоже. Он почти никогда не работал, и не учился. Как пришел из армии, так и пил без перерыва. Потому что потерял себя, и никак не мог найти. И чем дальше, тем хуже. И он тоже любил свою Олю, так же, как любят мать. Я думаю, что очень любил, но он никогда не любил ее так, как меня.

И это был сплошной замкнутый круг, из которого, казалось, никогда не будет выхода. Меня давило это чувство, оно превращалось в отчаянье, меня тошнило от этого вранья, каждый раз, когда я думала об этом. Ночью он обнимал меня, и я переставала думать, забывала обо всем и засыпала, а утром опять наступало похмелье. И это ужасное ощущение вины, самое страшное и самое горькое на свете быть виноватым перед кем-то, не искупаемо, непростительно виноватым, виноватым за то, что ты счастлив.

Казалось, это никогда не кончится. Но все когда-нибудь заканчивается. Вот и с нами так произошло, глупо, как это всегда и бывает. Рома узнал про Максима, увидел нас вместе, и узнал все, о чем он давно догадывался, чему боялся верить. Он кричал, бегал по квартире, и зачем-то стал собирать какие-то вещи. Почему-то именно книги, не технику, которой он обставил весь дом, магнитофоны, телевизоры, центры, телефоны, все покупал он, а какие-то ненужные ему книги по литературе и русскому языку, которые он когда-то мне приносил. Рома кидал их в пакет, совершенно не разбирая и не глядя, а временами подсказывал ко мне, заглядывал мне в глаза и спрашивал:

— Ты была с ним?

Я сидела на кровати, сжавшись, словно от озноба, и молчала. Мне было больнее, чем ему, потому что это я была виновата. Рома не унижался и снова и снова спрашивал одно и тоже:

— Была? Хоть сейчас скажи правду! Говори!

Я кивнула. Он ударил меня по щеке, не сильно, но больно. Так что остался синяк, его не было видно, но я его чувствовала. Лицо горело, и слезы лились без остановки. Я посмотрела ему прямо в глаза и еще раз уже отчетливо сказала:

— Да. Была.

Он бросил ключи на стол и вылетел из квартиры. Казалось, он был в бешенстве. Я проплакала два дня.

Вскоре и Оля узнала обо всем, и я уже плакала не одна. Это тоже вышло случайно. Максим нечаянно унес чужой телефон, свой он разбил, еще тогда во время всех этих ссор. И кто-то дал ему свой позвонить, а он забыл и ушел с ним. У них был мой номер, они думали, что я его де-

вушка и позвонили мне, подумали, что Максим со мной. Я догадалась, где он и с кем, для этого не нужно было много думать. И мне хватило десяти минут, чтобы узнать ее адрес и телефон. Это было так просто, почему я не сделала этого раньше.

Мы встретились. И она оказалась совсем не такой, какой я ее представляла, и как мне про нее говорили. Мы не дрались, не кричали, просто молча смотрели друг на друга. Две полные противоположности. У нее были очень голубые глаза и такая милая улыбка. Что сначала, я даже подумала, что будь я парнем, я бы тоже влюбилась в нее. Но потом, когда узнала ее ближе, поняла что обязательно ушла бы от нее. Она была холодная, и как будто на что-то очень сильно обиженная, на всю жизнь, на всех. Наверное, у нее были причины, ей было тяжело жить, она с ранних лет сама зарабатывала себе на жизнь, и кормила бабушку и маму, и в институте пришлось поступать на заочное, и совсем не по той профессии, по какой хотела. Оля была старше меня всего на несколько месяцев, а казалось, что она так устала от жизни, словно ей несколько тысяч лет. И она все время была всем недовольна, и уже год работала без отпуска.

А еще он, с которого нечего взять, который ничего не обещает, и ничего не хочет в этой жизни, и в которого она влюбилась, и может быть любит до сих пор.

В тот вечер мы пошли к нему вдвоем. Максим спал, а у нее были ключи. Я вошла первой, он улыбнулся и привстал с кровати, не сразу сообразил, откуда я здесь и как попала к нему в комнату, подумал, что это сон. Потом вошла она, он притворился спящим. Она поливала его водой и долго, и громко кричала, он орал ей в ответ. Я сидела и смотрела на них, словно зритель на спектакле, я не умею устраивать сцен и скандалов. Я не люблю, когда кричат, не понимаю, зачем это нужно. Он был жутко злой и даже чуть не ударил ее, я отодвинула его и он, спохватившись, замолк, и ушел из квартиры, ни слова не говоря.

А мы пошли по домам, чтобы реветь до утра. Странно, но я и тогда почти не плакала, только сидела и, не шевелясь, смотрела в одну точку. На тренировках в бассейне плавала до изнеможения, и один раз ударила по бортику с такой силой, что разбила руку в кровь. И в душе, под ледяной водой, впервые разревелась. До меня как будто постепенно доходило мое горе. Я была совсем одна.

Катя

НА СЛЕДУЮЩИЙ ДЕНЬ я взяла вещи и повезла их уже в другой детский дом. Тот, у кого ничего нет, всегда отдает больше всех. Больше всего вещей для детей мне всегда приносили те, с кого и взять-то нечего. Те вещи мы собирали вместе с Олей.

Я никого там не знала, кроме Кости. Да впрочем, и его тоже, меня познакомил с ним кто-то из знакомых, а он спросил меня, не хочу ли я поехать к детям. Они так ездили уже давно от своей академии бюджета и казначейства, собирали всех желающих и ехали к детям, поиграть с ними, привезти им что-то, помочь в чем-то.

Нас было пятеро. Мы купили два огромных арбуза и много конфет, и сами по дороге глотали слюни, хотелось конфет и игрушек. Быковский детский дом, совсем недалеко от Выхино, несколько остановок на электричке. А там, через линию и по пыльной дороге вдоль дач. Большой с колоннами. Мы, было, подумали, что это бывшая усадьба. Но Костя, который хорошо знал детский дом и бывал там уже много раз, сказал, что этот дом им построил Сталин. Когда мы пришли, все были заняты своими делами и на нас не сразу обратили внимание. Выбегающие дети, подсакивали к Косте и запрыгивали ему на руки. Они очень любят, когда приезжают ребята, потому что они могут посадить на плечи и покрутить.

Все сидели в библиотеке, только Катя подбежала к нам. Мы сначала не поверили, что она девочка, короткая стрижка, брюки и рубашка, и походка тяжелая мужская, она будто пародировала кого-то из взрослых, широко расставляла ноги и держала руки в карманах. Катя обняла нас всех и со всеми поздоровалась, такая ласковая. Повела нас в библиотеку. Там было много детей, кто резал из бумаги, кто собирал пазл, кто раскрашивал.

— А вы можете написать красиво? — спросила она у меня.

— Давай попробую. А что написать?

— Напишите: «Ольга Игоревна, я вас очень сильно люблю».

Она делала открытку для учительницы. Я написала, а Катя заплакала.

— Как красиво. А у меня некрасиво.

И порвала свою открытку.

— Катя, ну что ты, у меня тоже был такой почерк в первом классе. Просто я выросла и научилась, и ты научишься.

Чтобы ее отвлечь, я сделала ей кораблик из бумаги.

— Ух, ты. А что вы еще умеете из бумаги делать?

— Машинки.

Мальчишки тут же оживились и подскочили ко мне. Как же я в прошлый раз об этом не догадалась. Да, я же умею делать машинки. Меня научил Максим. Они у меня, конечно, не такие, как у него, не так быстро ездят. Дети называют их гонки. Он делает их гораздо ловчее, и может смастерить из любого материала, как-то сделал мне кораблик из пачки сигарет. Не такой, как я обычно делаю, а настоящий с палубой и с трубой.

Однажды он сказал мне, что если бы у него было много денег, то отдал бы их все детям. Откуда он узнал? Я в детстве загадывала то же самое, больше даже, чем загадывала, я пообещала Богу, что если когда-нибудь получу много денег, то отдам в детский дом. Я никогда об этом никому не говорила, это была тайна, что-то такое сокровенное, что можешь подумать только про себя. А он подумал также. Нам не нужны были слова, чтобы разговаривать, можно было просто посмотреть друг другу в глаза — и все ясно. И ничего не надо говорить. Мы в последнее время часто с ним молчали. Гуляли и не замечали, что ходим вокруг дома. Нам тогда очень тяжело было говорить, слишком понятно все было, слишком ясно, слишком больно. Раньше, когда я обижалась на него, я переставала ему отвечать, а тогда мы были обижены друг на друга. Мы одинаково боялись этой жизни. Он был для меня настоящий, близкий, единственный. Словно бы это я, только другая какая-то часть, моя. Мне кажется, он чувствовал тоже, но не мог объяснить.

И в памяти так ясно встала эта ночь, эта прогулка, это наше молчание, всего за неделю до слова «Прощай». Тепло от его ладони, в которой он держал мою, и мокрые губы, что меня целовали, и вся его нежность, как будто бы снова обняла, обвилась вокруг и ужалила, потому что больше никогда. Мне опять стало грустно. До смерти хотелось зареветь, я повернулась к окну, чтобы никто не заметил, и увидела, что Катя сидит на кресле и плачет.

— Что ты? Ну, ты что? Что случилось?

— Юрка сказал, что мы не похожи.

Юрка — это ее старший брат, он был здесь же, в том же детском доме. Катя любила рассказывать про себя, и про него. Кто-то из наших девчонок сказал ей, что они похожи. Она обрадовалась и сказала ему. А Юра в тот момент иг-

рал с другими мальчишками и ответил ей очень грубо, что вовсе они не похожи, и никакая она ему не сестра. И что даже глаза у них разные совсем. У Кати один глаз косой, но это ее совсем не портит, почти совсем. Но как же объяснишь это семилетней девочке.

— Это все мама. Это я из-за нее такая, никуда не годная. Из-за того, что она пила. Никогда ей не прощу.

И она плакала, несмотря ни на какие мои уговоры.

Мы вышли во двор. Играть в игру. Костя еще в электричке пытался объяснить нам правила.

— Это очень простая игра, все ее знают — «спички и пластырь».

Никто не знал такой игры.

— Детям она нравится. Вот, слушайте. Я клею детям на руки пластырь, они должны бегать собирать спички, я вместо них в этот раз взял ватные палочки, так вот они их собирают и относят капитанам своих команд. Вы в это время бегаєте и салите их по пластырю синей ручкой, если попали, то они должны бежать залечить рану зеленой ручкой. Все просто, все понятно.

— Костя, ничего не понятно. Объясни нам еще раз.

Он объяснял снова и снова, но более-менее поняли мы только, когда все распределились по своим местам и начали играть. Моя команда выиграла два раза, благодаря тому, что все хулиганы и сорванцы оказались в ней, они носились быстрее молнии.

Меня укусила оса, и Катя повела меня к медсестре.

— Ты меня спасла, наверное, будешь врачом.

— Нет. Я буду водителем.

— Водителем? — удивилась я.

— Да, а что, бывают же девушки-водители.

— Ну да. А что ты будешь водить?

— БМВ.

Она так серьезно это сказала, что я улыбнулась.

— А можно я буду тебя звать на ты? — спросила она.

— Конечно, можно.

— Хочешь семечки? — она протянула мне целую горсть и откуда она их взяла.

— Нет, спасибо. Они прилипчивые, как начнешь грызть, потом не остановишься.

— Да, прилипчивые. — Повторила Катя несколько раз.

Она часто что-нибудь понравившееся ей или заинтересовавшее ее повторяла по нескольку раз. Так, наверное, вышло и с походкой.

После игры мы уже все обнимались. Девчонки садились к нам на коленки. Им безумно не хватает ласки. Они очень добрые.

Пока ребята резали им арбуз, мы прятали ватные палочки по всему дому. Это еще одна игра. Кто найдет больше всех палочек, тот первый может выбрать себе мягкую игрушку.

С арбузом мы прогадали. Надо было сначала нарезать, а то вышли сплошные ссоры. Кто-то доделал уже третий кусок, а кто-то даже не пробовал. Пришлось срочно вмешаться и всем раздавать. Двадцать килограммов на двенадцать детей семи лет — это даже много. Но им ведь этого не объяснишь. Мальчишки, те самые отпетые, давились, еле-еле впихивали в себя и все равно ели. Девочка, Женя, нарочно поедала корки. Она таким способом привлекала внимание, ходила и всем показывала, и поначалу все отнимали и говорили, что нельзя их есть.

На игрушки и конфеты все налетели точно также. Все те же три непослушных ухватили полмешка конфет. И вскоре сами же раздавали их нам. Они не жадные, просто, боятся, что не хватит, что больше не дадут.

Там был мальчик Коля, тихий, ни с кем не друживший, с узбекским разрезом глаз, симпатичный, с кругленьким восточным личиком, он только недавно попал сюда. И был уверен, что он тут временно, что его обязательно заберут. Из всех мягких игрушек он выбрал плюшевую собаку с красным бантиком, и все время развязывал его и завязывал.

— А почему ты собаку выбрал?

— Я люблю собак (я их собираю).

Мне сразу вспомнились эскимосы, чукчи, эвенки и другие, о которых я почти ничего не знаю. Может, он и был одним из них, а узбеки тут вовсе не причем.

— А моя сестра собирает лягушек.

— А сколько ей лет?

— Не знаю.

— Как мы или старше?

— Как вы, только она худенькая очень, во много раз худее, тоненькая совсем. Вот такая.

— А ты ее часто видишь?

Он помотал головой.

— Она с мамой в Германии.

Катю не очень любили, часто подшучивали над ней, но с Колей почему-то вообще никто не хотел дружить. Он все время сидел один. Мне показалось, он очень умный для своих лет, и очень грустный, тихий. Ему не досталось конфет, и мы бы и не сообразили этого, если бы не воспитатели.

— Нажаловался, — хмыкнул Юрка.

После арбуза и конфет на полдник идти уже никто не хотел. Воспитатели покормили нас. Там давали сырники со сгущенкой и соком, очень вкусные, как в детстве.

За столом говорили в основном мы с Костей. Он рассказывал, как был вожатым в лагере для детей, отстающих в развитии. Говорили о детях. Мы были уставшие и самые счастливые на свете.

Катя вышла нас провожать, мы обещали, что приедем еще, она обнимала нас и целовала.

Этот детский дом еще не так далеко от Москвы, чем дальше, тем хуже. Даже в Ивантеевке все не так. Здесь живут по двое и по трое в комнате со шкафчиками, столиками, коврами, и дети только школьного возраста, а там две спальни и возраст от грудных до восемнадцати. Я видела в Ивантеевке совсем маленького мальчика, он даже еще не стоял. Откуда это все? Как они попадают туда? Нет, я, конечно, знаю, как. Но не понимаю, никогда не смогу этого понять. Откуда эта бесчеловечная сила, которая может разлучить самых дорогих и близких.

По-настоящему

Я ВЕРНУЛАСЬ ДОМОЙ и будто не уезжала.

Все вспомнилось снова, и тяжким грузом навалилось на меня.

Мы гуляли с Олей, и старались выплакать друг другу все свое горе. И от этого становилось еще хуже. Казалось, она должна бы ненавидеть меня, а она улыбалась мне. Мне говорили, что она мне врет, что сама встречается с ним и что они помирились. Но это было уже не важно. Он ведь мне тоже все время звонил, а ей опять врал все тоже, почти слово в слово, что и я Роме. Мы были смешные и глупые, запутавшиеся в собственной лжи, и мы ужасно боялись остаться одни. И потому все время выдумывали и сочиняли. А еще больше мы боялись остаться друг без друга. Мы были, как два магнита, он — минус, а я — плюс и нас все время тянуло друг к другу.

Максим пришел. Всю ночь мы говорили, говорили, мне кажется, бесконечно говорили. И боялись даже дотронуться друг до друга, тихонько кончиками пальцев, вздрагивая, тянулись навстречу. И куда-то уходила вся злость, все обиды, и терялся рассудок, и все, что себе и ей обещала — я все позабыла.

Все началось сначала, но началось как-то по-другому, теперь некому было врать. Рома ушел, Максим расстался с Олей. И мы теперь были по-настоящему, и это было страшнее всего.

Света

КОГДА МЫ НАЧАЛИ встречаться с Ромой, у нас тоже ничего не было, он учился и работал тогда в Макдональдсе. И мы занимали деньги у его папы, у него удивительный папа, очень добрый, и безумно любящий единственного сына. У Ромы еще старшая сестра, Света, но она сошла с ума. Это произошло не сразу, и сложно сказать как именно. Рома рассказывал мне, что когда-то она училась в институте и уже должна была защищать диплом, но кто-то из преподавателей стал к ней приставать, и она бросила все, перестала туда ходить. А еще он говорил, что у нее был парень, и они собирались пожениться, что он приходил к ним домой, а потом мать сказала, что из шкапулки пропали их с отцом обручальные кольца, и что это он взял. У них со Светкой разладилось, и парень этот женился на другой. А она замкнулась в себе, сидит целыми днями дома, то кричит, то плачет, то вещи выкидывает: золотую цепочку, которую ей отец подарил на день рождение, смыла в раковину, магнитофон в окно выкинула, зеленкой измазала все лицо и ни ест совсем ничего, худая стала, как скелет. Врачам показывали, в больницу клали, ничего не помогло. Рома говорил, что во всем виновата мать, что и в институт запретила ей ходить и с парнем развела. А мать во всем обвиняла их с отцом, особенно отца, у нее должен был быть еще ребенок, она родила девочку уже после Ромы, и ей сказали, что ребенок умер, а она уверена до сих пор, что девочку продали за границу, ведь не выдали же тело, а отец не потребовал. И с того случая и мать изменилась и винила во всем мужа, и все время кричала. А Света сидела дома и сходила с ума. Рома сбежал из дома ко мне, подальше от криков, подальше от домашнего кошмара. Он боялся криков и плача из-за мамы, он был совсем маленький, когда случилась эта трагедия с ребенком, и поэтому хорошо все запомнил, отчего-то в детстве все запоминается лучше и ярче, и оставляет следы на всю жизнь.

Мама

ПРОШЛО ДОЛГИХ десять лет, прежде чем у нас появилось хоть что-то, Рома стал зарабатывать, купил машину и мы стали ездить отдыхать за границу. Но Рома хотел работу, хотел семью.

А Максим, как мне казалось сначала, не хотел ничего, у нас не было ни работы, ни денег. И он пил, страшно и беспорядно

И я уже думала, что это никогда, никогда не кончится, и он не излечится от этой болезни. Максим пил каждый день и к вечеру напивался так, что уже почти не мог идти. И я несла, вела и тащила его домой из подвала, где они с ребятами проводили дни, играли в карты, пили. Это было небольшое помещение в старом доме, они снесли туда ненужную мебель и провели свет. Вышло три комнаты, на полу был песок и окурки, и воняло ужасно, какой-то затхлостью, мочой и чем-то очень противным. Максим иногда засыпал там, на грязном матрасе, в маленькой комнатушке, где тогда играли в карты, и которая закрывалась занавеской. Он не хотел, чтобы я туда ходила, очень злился, когда я приходила и видела его таким, и боялся моих слез. Говорил, что это — слабость, что нельзя человеку быть слабым. А я все равно приходила и забирала его оттуда домой. Мы ругались, дрались, пытались дойти, он падал на землю. А я каким-то нечеловеческим усилием поднимала его, такого большого, и плакала. Он был как *она*, как моя мать. Когда она стала пить после развода, и ходить по всем этим компаниям, мне было лет пять, наверное, а может и меньше. И я также бесстрашно ночью шла за ней и старалась не плакать, старалась убедить себя, что я очень сильная и что я смогу, и откуда-то появлялись силы, и я вела ее домой. А она падала, и я поднимала ее и снова-снова вела, и говорила она все тоже, что и он, и обещала все также. Клялась, что больше никогда-никогда, и он ...

Я до сих пор вижу маленькую себя в темноте, на дороге, которая пытается изо всех сил поднять свою маму и поставить на ноги, и говорит ей все время: «Мама, вставай, ну вставай же ...», и до смерти боится, что их кто-то увидит. А теперь через много лет поднимаю парня, который выше и больше, и говорит почти все тоже.

Мне все говорили, что я дура, а я верила, не знаю почему, я очень хотела верить и верила. И однажды, когда мне уже стало казаться, что я ни во что не верю, он остановился. Не знаю, надолго ли, бывает ли надолго. Я боюсь в это верить. Когда в жизни случается много плохого, то уже почти перестаешь верить в хорошее, боишься поверить и обманутся. И думаешь, что лучше уже не верить, лучше сразу к плохому готовится. А верить надо, ведь ели не верить, то чем тогда жить.

Встреча

ТАК МЫ И ЖИЛИ с Максимом одной верой. Я скучала по Роме, мне казалось, мне оторвали

руку, и я никому не могла объяснить этого. Меня как будто выпустили в жизнь, в реальную жизнь, со всей ее неустроенностью и проблемами, словно я десять лет прожила в доме, под родительским присмотром и никуда не выходила, а тут вдруг вышла. Как та принцесса из сказки, которая никогда не видела своего королевства, а потом вдруг сбежала из дома и увидела.

Рома женился. Никто не верил, что можно так быстро жениться, никто не понимал — за чем. Он встретил в одной из командировок девушку, привез ее сюда и женился, снял квартиру и говорил мне, что счастлив. Все знакомые и друзья, и даже родители, не верили, говорили, что он это все назло мне сделал. Но поддерживали его, ему исполнилось двадцать девять, и он хотел семью и ребенка, чего так и не смог добиться от меня, родители ждали внука.

Мы встретились с ним вечером, чтобы переоформить какие-то бумаги на телефон, повод был пустячный, и мне кажется, мы оба понимали, что это только повод. Мы смотрели друг на друга, и я знала все его мысли, и нам не нужно было говорить. На руке у него было кольцо, и он пытался отдалиться от меня, спрятаться как от приведения, но не так то просто и ему это давалось.

— Открой счет в сберкассе и скажи мне номер, — сказал он почти спокойным голосом, стараясь не смотреть на меня.

— Зачем?

— Я буду класть тебе деньги, чтобы у тебя были.

Он беспокоился, что у меня их нет, он думал мне нужно только это от него, у меня и, правда, не было ни копейки, но мне было не нужно.

— Не надо.

Я взяла его за руку и держала всю дорогу, он довез меня до дома. Я вошла в квартиру и заплакала. Мне хотелось повернуться и бежать к нему со всех ног, обнять крепко-крепко и никогда больше не отпускать. Но я стояла и смотрела ему в след. Мне хотелось закричать: «Вернись, я буду самой лучшей женой, только вернись и я рожу тебе детей, и буду любить тебя вечно...». Но я молчала.

Отец

УТРОМ ПОЗВОНИЛ БРАТ, сказал, что с отцом плохо. Я не поверила, подумала он нарочно пугает, чтобы нас помирить. Он много раз пытался, а я уперлась, пусть отец сам позвонит и всё тут. Оказалось, правда — инсульт.

Я не узнала его, я его таким никогда не видела. Никогда не видела, чтобы он лежал и болел. И мне стало так страшно. Он заплакал, когда увидел меня. И очень стеснялся и меня и брата, и говорил, что глаз слезится от лекарств. Мы проговорили тогда не так уж долго, да долго ему и нельзя было, но он столько всего сказал мне. Просил прощения. А я все повторяла: «Пап, всё будет хорошо, всё будет хорошо» — и сама не верила. Он изменился, он был совсем другой.

Тогда в больнице я держалась из последних сил, чтобы не плакать, вышла — и расплакалась.

Потом я приезжала к нему и сидела с ним целыми днями. Мачеха долго еще к нему не ездила, говорила, что сама болеет, а брат не отходил от него ни на шаг. Может, для этого люди и болеют, чтобы узнать, кому они на самом деле нужны, и, может, для того, чтобы понять, что и когда они сделали не так, кого обидели. Да я и не знаю. Но с моим отцом все вышло именно так.

Он много всего говорил мне, говорил то, чего никогда не сказал бы раньше. И мне было так хорошо с ним рядом, просто сидеть, слушать про своих прабабушек и прадедушек, про тех, кого я никогда не видела и не увижу. Семья была большая и очень религиозная, верующая. А после революции родителей репрессировали, а будущих моих прабабушек и прадедушек разобрали родственники, тайком, от греха подальше, так их раскидало по свету. И до сих пор о многих ничего не известно. Отец вспоминал о них обо всех с таким теплом, что мне казалось, будто они все оживают передо мной, стоят рядом и смотрят на нас. Больше всего он вспоминал свою бабушку, Клавдию. Она его воспитала. Удивительно добрая была женщина, никогда не кричала, а бабушка наоборот часто ругался, бабушка не отвечала. И папа говорил, что именно такой и должна быть жена, должна уметь промолчать в нужный момент. А дедушка сам потом приходил с повинной. Словно учил меня, что и мне надо бы так, что предназначение женщины рожать детей, быть женой. А я и здесь с ним спорила и все чему-то сопротивлялась. Недолго, но спорила.

Мы о стольком с ним говорили. И думали, сколько же лет мы потеряли этими нелепыми обидами. Отец смеялся и говорил: «Надо было заболеть, чтобы с тобой нам примириться».

Я научилась печь пирожки, специально для него, и он так радовался, и только их и ел. А мне было так хорошо, от того, что я ему нужна, от того, что я не одна.

А потом он выписался из больницы, и мы опять отделились. Когда мы приезжали к нему с братом, мачеха не давала нам сидеть с ним наедине. Говорила, что мы его расстраиваем. Брат ругался с ней из-за этого, они кричали друг на друга, и папе становилось совсем плохо. И потому мы долго не ездили к нему.

Одна

МАКСИМ БЫЛ РЯДОМ, даже когда его не было, он всё равно был рядом со мной, незримо, тихо, как бывают самые близкие. Он приходил, и иногда просто сидел у меня в комнате, пока я делала какие-то дела, иногда ждал меня целыми днями. И ничего не говорил, даже не обижался.

А потом я узнала, что жду ребенка. Испугалась и долго не могла ничего сказать, а еще я совсем не знала, что мне с этим делать. И никак не могла поверить. Не знаю почему, но мне тогда очень захотелось увидеть Катю, ту маленькую девочку из детского дома. Мне почему-то подумалось, что она знает, что делать. Я поехала туда. Они сначала не хотели меня пускать, ведь обычно приезжают группами и договариваются заранее, а я так, без приглашения.

— А Кати нет.

Коля сидел на диване один, и вертел в руках ту самую собаку с бантиком.

— А где же она?

— Ее забрали.

— Как забрали? Кто? — не поверила я.

Он пожал плечами и посмотрел на меня своими узкими темными глазами.

— А как же? Вместе с Юрой? Они же брат с сестрой их только вдвоем можно забрать.

Коля замотал головой.

— Юрку не взяли.

И у меня даже не было слов ему что-то ответить, мне было так обидно, я даже не знаю почему. Да и зачем я приехала? Что бы я ей сказала?

Я уже возвращалась домой, когда увидела Максима, идущего мне навстречу, мне показалось, он улыбнулся, мне хотелось сказать ему, но я не могла ничего сказать, просто стояла и смотрела.

Максим не умел меня успокоить. Мы еще ничего не умели друг для друга, мы еще только учились, и пытались быть взрослыми и не всегда получалось. И было так страшно, как в самое начало мира, и я боялась оступиться, ведь больше некому было поймать, временами мне казалось, что я не права, что всё это зря и вовсе

не так должно быть, а временами я улыбалась и думала, что иначе и быть не может.

Мы так часто ссорились, ругались из-за всякой ерунды, и иногда словно и не было никакой любви. И тогда становилось так тяжело, будто никто тебя не любит и ты совсем один. Со мной это часто случалось, это еще с детства, когда мама бросала меня ночью одну, я ходила по квартире и редела, от страха, что я совсем одна и больше никому в этом мире не нужна. И всю жизнь, как только я ругалась с Ромой или Максимом, я словно возвращалась туда в детство, в эту квартиру, где я совсем одна, и где я плакала часами, а иногда и целыми ночами напролет. Сначала Рома пугался, но со временем научился меня успокаивать. Он брал меня на руки, как маленькую, и качал, и говорил, что он всегда будет рядом, всегда-всегда. А теперь его не было.

Это было так странно, так непривычно и непонятно, так больно. Я всю жизнь уверяла себя, что это будет не он, что мы с ним расстанемся, что у меня будет другая семья, придумывала себе прекрасного принца, так что невозможно было поверить, что это и впрямь случилось. Мечтать и представлять гораздо приятнее, чем получить на самом деле.

Рома влюбился в меня, когда я была еще девочкой, он пытался вырастить из меня жену. А я вместо этого так и осталась той самой девочкой и никак не выросла. Он словно остановил мое взросление, оно оказалось сначала слишком рано, когда он дотронулся до меня в четырнадцать лет. Я понимала, что это плата за то, что он рядом, за то, что он будет любить и заботиться, и будет мне вместо родителей, но в душе я ненавидела его за это, мне совсем не хотелось этого тогда.

А после уже было слишком поздно. Он заметил мне родителей, и я думала, что за это можно простить то, что он считает себя мужем.

Тула

ЗА ГОД ДО ЕГО ЖЕНИТЬБЫ и нашего расставания. Мы ездили в Тулу, в его деревню, он все время звал меня туда и, наконец, дозволялся, я согласилась с условием, что заедем в Ясную поляну, мне там очень нравилось. И я надеялась, что может, удастся избежать поездки в деревню ко всем его родственникам, которые разглядывали меня и обсуждали, и осуждали, что мы не женаты и что я не родила ему детей. Я боялась их, они были не такие, как я. Они вышли из де-

ревни, семья была очень большая, и все между собой общались, дружили, помогали, вместе росли. У меня никогда этого не было, и я совсем не знала, как себя вести. Я старалась, но это выходило скорее неуклюже, и я казалась им заносчивой девицей, в которую Рому угораздило влюбиться, они считали меня странной, но не могу сказать, чтобы не любили.

Как я ни старалась отвертеться — ехать пришлось. Это была деревня, в которой родилась Ромина мама. Она была пятой девочкой в семье, самой младшей. Ее отец, Ромин дед, очень хотел мальчика, но все время рождались девочки. Рома раньше мне почти не рассказывал о деде, больше о бабушке, она его вырастила, каждое лето он проводил в деревне вместе с двоюродными братьями и сестрами. Ее не стало, и дом высоко на холме опустел, дед остался один, дети и внуки приезжают теперь реже, у всех дела, работа, все уже выросли и живут в городах, а отдыхать ездят за границу. Он один следит за хозяйством, за садом, по которому мы с Ромой тогда гуляли и он рассказывал мне о нем, я только там узнала, что его дедушка сидел в тюрьме, по такому несправедливому поводу, что даже нельзя было в это поверить. Как когда-то я не могла поверить, что у Ромино папы один глаз, внешне это совершенно незаметно, и я думала, что Рома шутит, нарочно меня пугает, а оказалось и правда. Ему попала в глаз металлическая стружка на заводе во время работы, а он затянул, не обратился к врачу, и пошло нагноение. Но это не мешает ему и сейчас строить дома и делать такие удивительные вещи, которые люди с нормальным зрением не всегда могут сделать. Он все делает своими руками и так красиво, аккуратно. Наверное, часть этого дара он передал сыну.

Мы спускались с Ромой вниз по холму, прямо к Дону, и совсем рядом было Куликово поле, где сражались и погибли люди давным-давно, и где теперь очень тихо и только толпы туристов фотографируются у музея.

А вечером была деревенская дискотека, с колонками и со сценой прямо на улице. И все эти люди, которые там живут, одетые в самые лучшие вещи, девушки, накрашенные, и на высоких каблуках, приходили туда танцевать как на какое-то очень важное событие, как на праздник.

А мы те, что приехали из Москвы, были в старых неважных джинсах и майках, и совершенно не накрашенные, и нам было сложно понять, отчего эти люди так рады.

Ромины родные тоже были там, и вытащили его танцевать, и он тоже развеселился, он был один из них. Они звали и меня, а я совсем не умею радоваться, как они, и не умею танцевать в калошах, в которых мы пришли, только в них можно было пройти по мокрой траве. И я сидела на лавочке, стеснялась, и опять не знала, как себя с ними вести. Я им казалось очень скучной.

А утром мы ездили на рыбалку на Дон, и поймали одну маленькую рыбку, которую в банке привезли домой, и ели свежесвепеченный хлеб и настоящее молоко, и искали, где окотилась кошка, и бегали за цыплятами во дворе. И я была счастлива тогда, там. Там было хорошо, а потом мы уехали, а потом мы расстались, а потом мой самый близкий женился, а я ушла с другим самым близким.

Откуда берется ветер

В ЭТУ ОСЕНЬ много листьев, они как маленькие светофоры, мигают разными цветами и летят под ноги. Их оторвал ветер, их не приделать назад. Наступит весна и у деревьев будут новые листья, другие, похожие на эти, но этих уже не будет никогда.

Я сижу в том самом парке, что и много лет назад, когда мы впервые встретились с Ромой. Мы тогда сидели на бревне, оно было мокрое и скользкое, он все время с него падал и ужасно стеснялся, и краснел. А потом мы поцеловались в первый раз, по-настоящему, и пошел дождь.

Я собираю листья в большой букет, я жду его, того, кого теперь называю мужем, и мне все еще кажется это смешным и невероятным. Разве он муж, он любимый.

Говорят, что ветер — это всего лишь перемещение воздушных масс под действием нагрева и охлаждения. Так когда-то объяснял мне отец, а я не понимала и думала, что ветер дует, оттого что деревья качаются.

Я не знаю, почему дует ветер, так же как не знаю, почему люди расстаются.